

Вольфганг
Акунов

СИЯНЬЕ СЛАВЫ САМУРАЙСКОГО СОСЛОВИЯ

天草四郎

義經

兼伊豫守なり父ハ

雑仕常盤の前め化平治

畧の内大威徳明王牛ハ

名と牛若丸とのふ

ハ子とあり舍那王丸と

との大志わらふよう

んら思ふとも

辛ん賞

ハ功を

計畧

ハ

ハ

ハ

ハ

ハ

ハ

高館を落し蝦夷
亦不思議なる事

Вольфганг Викторович Акунов
Сияние славы
самурайского сословия
Серия «Документы и материалы
древней и новой истории
Суверенного Военного ордена
Иерусалимского храма», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51871128

Сиянье славы самурайского сословия:

ISBN 978-5-00165-076-8

Аннотация

Слово «самурай» – синоним отважного воина, сражающегося за высокие идеалы и ставящего честь выше своей жизни. Влияние самурайского военного сословия, долгое время первенствующего в Японии, способствовало превращению всего японского народа в «нацию самураев». Новая книга Вольфганга Акунова выходит в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма», ибо самурайство – японский аналог христианского рыцарства, архетипом которого стал Орден бедных соратников Христа и Храма Соломонова.

Содержание

Зачин	5
О значении слова «самурай»	34
Об истоках воинских традиций Страны восходящего солнца	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Акунов В. В.

Сиянье славы самурайского сословия

*«В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки».*

*Из песни братьев Покрасс на слова Бориса Ласкина
«Три танкиста», впервые прозвучавшей в советском
кинофильме «Трактористы».*

*«Мы продемонстрируем вам ценность, более
высокую, чем уважение к жизни. Это – не свобода
и не демократия. Это – Япония, страна нашей
истории и традиции, та Япония, которую мы
любим».*

Юкио Мисима. «Гэкибун» («Манифест»).

*«Я понял, что путь самурая есть смерть».
Дзётё Ямамото. «Путь Смерти».*

*«Тэнно хэйка банзай!» («Десять тысяч лет
Императору!»)
Боевой клич японских самураев.*

Зачин

Скромное приношение Мисиме

Среди трагических героев последней четверти мрачного XX столетия Юкио Мисима (его подлинное имя – Кимитакэ Хираока) занимал совершенно особое положение, ибо был декадентом. Он рос балованным ребенком, но, повзрослев, открыл в себе садомазохистские склонности, гомоэротическую ориентацию (таких в Японии традиционно именуют «обладателями двух мечей») и, вполне закономерно, проникся любовью к западным авторам-декадентам вроде Томаса Манна – такого же бисексуала, как и сам Мисима. Но, то и дело, переодеваясь и меняя маски – киноактёра, фотомодели, короля поэтов, продолжателя традиций японского эстетизма и политического журналиста, он, тем не менее, следовал своему истинному призванию – неустанно свидетельствовать верность идее Вечной Японии в единственной ещё возможной форме – в форме чистого утверждения Вечного и Постоянного через смерть Временного и Преходящего.

Юкио Мисима родился 14 января 1925 года в семье крупного государственного чиновника Адзусы Хираоки и его супруги Сидзуэ. Отец Мисимы, с отличием закончив юридический факультет Токийского Императорского университета, блестяще сдал государственный экзамен на пригодность для

работы в качестве чиновника самого высокого ранга, однако, вследствие личной предвзятости высшего начальства и закулисных интриг в кулуарах бюрократического аппарата, был, вместо Министерства финансов, зачислен на работу в другое, менее престижное, ведомство, носящее в настоящее время название Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства. Коллегой отца Мисимы по работе был будущий премьер-министр Японии Нобосукэ Киси. После старшего сына, Кимитакэ, в семье родились другие дети: в 1928 году – его младшая сестра Мицуко, а в 1930 году – его младший брат Тююки. Дед Мисимы, Садатаро Хираока, был в 1908—1914 годах губернатором Южного Сахалина (по-японски: провинции Карафуту).

До двенадцати лет, когда он перешёл в первый класс средней школы, Кимитакэ жил и воспитывался в доме бабушки, Нацуко Нагаи. Даже с матерью он мог видеться только с разрешения бабушки. Совместная жизнь с Нацуко, которая забрала болезненного Кимитакэ у родителей и, оградив его от внешнего мира, воспитывала в строгих и утончённых аристократических традициях, оказала на формирование будущего писателя огромное влияние. Склонная к истерии Нацуко, несмотря на постоянные психологические стрессы, вызываемые её поведением у Кимитакэ, была тонким ценителем национального японского театрального искусства «Кабуки», созданного женщиной, переодетой в мужчину.

Ценила бабушка Юкио Мисимы и древний японский те-

атр «Но». Именно она привила своему любимому внуку Кимитакэ любовь к прозе и театру.

Тяжелые болезни и постоянные недомогания, из-за которых Мисима не принимал участия в играх сверстников и часто пропускал школу, тоже наложили неизгладимый отпечаток на личность будущего знаменитого писателя. Мисима рос впечатлительным и одарённым ребенком, много времени проводившим за чтением книг. Привилегированную школу он закончил с отличием, получив в награду именные серебряные часы из рук самого божественного Тэнно, Небесного Владыки, Небесного Государя – Императора Японии Хирохито. Это событие врезалось в память юноши на всю оставшуюся жизнь, во многом предопределив его отношение к личности и сану Императора.

По воле властного отца, Мисима поступил, как в своё время и его родитель, на юридический факультет Токийского университета, где изучал германское право. К этому же периоду жизни будущего писателя относится его сильное увлечение литературой немецкого романтизма, перешедшее впоследствии в интерес к сочинениям Томаса Манна и философии Фридриха Ницше. Глубокой душевной травмой для молодого человека, во многом предопределившей всю его будущую жизнь и судьбу, стало его признание негодным к службе в рядах японской Императорской Армии, ввиду крайней слабости здоровья.

Второй, еще более глубокой, душевной травмой стала для

Мисимы, как и для подавляющего большинства японцев, капитуляция Императорской Японии 15 августа 1945 года, которой завершилась Вторая мировая война на Тихом океане и в Китае. Поток последовавшей за этим «черным днем японских Императорских Армии и Флота» череды повальных самоубийств, продиктованных правилами самурайского кодекса чести «бусидо», ставшего к описываемому времени духовным достоянием значительной части японской нации, был захвачен и покончивший с собой 19 августа на территории Малайи лейтенант японских оккупационных войск (а в прошлом – известный литературный критик) Дзэмэй Хасуда, бывший в то время кумиром и духовным наставником Мисимы.

Кстати говоря, не всем известно, что объявленная 15 августа 1945 года Императором Хирохито в общенациональной радиопередаче, известной как «Трансляция Драгоценного Голоса», безоговорочная капитуляция Японии перед союзными державами, едва не сорвалась. Заявление Божественного Тэнно транслировалась не в прямом эфире, а в записи, сделанной предыдущей ночью. Кроме того, трансляция велась не из Императорского дворца. В ту же ночь, когда император Хирохито записал свое радиообращение, группа японских военных, отказавшихся сдаться врагу, попыталась совершить государственный переворот. Руководитель путчистов майор Императорской Армии Кэндзи Хатанака со своими сторонниками захватил Императорский дво-

рец, который удерживал в течение несколько часов.

Хатанака намеревался сорвать «Трансляцию Драгоценного Голоса». Но, хотя его солдаты тщательно обыскали весь дворец, они так и не смогли найти радиозапись объявления Императором капитуляции. Несмотря на то, что путчисты тщательно обыскивали каждого, кто выходил из дворца, запись удалось вынести наружу в корзине для белья. Но майор Хатанака не думал сдаваться. На своем велосипеде он поехал на ближайшую радиостанцию, намереваясь в прямом эфире объявить японскому народу, что в стране Ямато произошел переворот, что Япония никогда не капитулирует. Однако не смог выполнить свое намерение по техническим причинам. Вернувшись во дворец, Кэндзи Хатанака застрелился.

16 августа 1945 года вице-адмирал Японского Императорского Флота Такидзиро Ониси, разработчик операции «Камикадзе», в ходе которой японские пилоты-смертники врезались на своих превращённых в пилотируемые авиабомбы самолётах в военные корабли англосаксов, узнав о капитуляции, объявленной по радио Императором Хирохито, счёл свою миссию выполненной и покончил с собой традиционным самурайским способом «сэппуку». В своей предсмертной записке Ониси извинился перед «душами погибших и их безутешными семьями».

23 октября 1945 года от тифа, в возрасте всего семнадцати лет скончалась Мицуко, младшая сестра Мисимы. В это же время произошел разрыв Мисимы с его первой любовью

Кунико Митани, дочь государственного деятеля и дипломата Таканобу Митани и младшей сестрой Макото Митани, одного из самых близких друзей Мисимы. Кунико и Макото Митани послужили прообразами для Соноко и Кусано, персонажей написанного Мисимой впоследствии романа «Исповедь маски».

Третьей и, возможно, самой глубокой и болезненной, душевной травмой стало для Мисимы, как и для большинства японцев, сделанное Императором Хирохито под давлением американских оккупационных властей заявление, что он – не бог, а простой человек, и что японцы, соответственно – не прямые потомки богов, а такой же народ, как и все остальные народы, которые «божественные сыны Ямато», «дети Солнца», традиционно привыкли считать «варварами», «дикарями», «заморскими чертями».

В 1946 году Юкио Мисима совершил паломничество в богатый самурайскими традициями старинный город Камакуру к жившему там признанному классику японской литературы Ясунари Кавабате, показав ему рукопись своих рассказов «Сигарета» и «Средние века» с просьбой содействовать в их публикации. По рекомендации Кавабаты, занимавшего в то время административный пост в библиотеке Камакуры, рассказ Мисимы «Сигарета» был вскоре напечатан в журнале «Человек». Вступив, таким образом, благодаря протекции старшего мастера, в литературный мир, Мисима до конца жизни сохранил почтительное отношение к Ясунари Ка-

вабате как к своему учителю (при этом, впрочем, никогда прямо не называя его собственно учителем, и ограничиваясь обращением «Кавабата-сан», «дорогой Кавабата»). В том же году в журнале «Гундзо» появился рассказ Мисимы «Повествование на мысе».

В январе 1947 года Юкио Мисима начал принимать участие в неформальных встречах, устраиваемых Осаму Дадзай и Кацуитиро Камэи. Известен случай, когда на одной из встреч, высказывая своё мнение о творчестве Дадзая, Мисима категорично заявил, что терпеть не может его произведений. По словам самого Мисимы, потрясённый Дадзай в ответ на это дерзкое высказывание заявил, что, раз Мисима, тем не менее, приходит на эти встречи, значит, он всё-таки не равнодушен к произведениям Дадзая. Любопытно, что присутствовавший при этом инциденте Кадзуо Нохара впоследствии передавал слова Дадзая, произнесённые тем с неприкрытой злостью, несколько иначе: «Раз не нравится, так больше не приходи сюда». Стремление к эпатажу, характерное для высказываний и действий Мисимы, на всю жизнь стало одной из его неотъемлемых черт.

В ноябре 1947 года Юкио Мисима с отличием закончил юридический факультет Токийского университета. Пытаясь устроиться на работу в «Японский промышленный банк», он успешно сдал соответствующий экзамен, но кандидатура Мисимы была отклонена по причине его неудовлетворительного здоровья (из-за которого, как уже говорилось выше, он

не был в свое время призван в ряды Императорской армии, что мучило писателя всю жизнь, как свидетельство некоей «неполноценности» или «ущербности»). Однако, успешно сдав, после этого фиаско, государственный квалификационный экзамен, необходимый для работы чиновником высокого ранга (в списке результатов имя Мисимы значилось на сто тридцать восьмом месте из ста шестидесяти семи), Юкио Мисима некоторое время проработал в Министерстве Императорского Двора, после чего, по рекомендации отца, перешёл на службу в Министерство финансов. Совмещая работу государственного чиновника с активной литературной деятельностью, Мисима написал свое первое произведение крупной формы, озаглавленное «Вор». В это же время состоялось его знакомство с известным писателем Фусао Хаяси, отношения с которым у Мисимы испортились лишь в поздние годы (по его словам, из-за политической беспринципности Хаяси).

В 1948 году Юкио Мисима примкнул к литературному объединению «Современная литература». Получив от Кадзуки Сакамото, главного редактора издательства «Кавадзэсёбосинся», заказ на написание романа, Мисима, пытавшийся вести двойную жизнь – государственного чиновника и писателя, – из-за крайней истощённости организма чуть было не погиб, упав с железнодорожной платформы и едва не попав под поезд. Этот инцидент способствовал тому, что в сентябре 1948 года Мисима уволился по собственному же-

ланию из Министерства финансов и всецело посвятил себя литературной деятельности, с чем был вынужден, со временем, смириться и его властный отец.

В июле 1949 года был опубликован только что завершённый Мисимой роман «Исповедь маски», который получил высокую оценку литературных критиков, что позволило Юкио Мисиме занять почётное место среди видных представителей литературной элиты Японии. За «Исповедью маски» последовали «Жажда любви» (1950) и «Запретные цвета». По мотивам «Запретных цветов» известный театральный режиссер Тацуми Хидзиката поставил в 1959 году одноимённый спектакль, который принято отождествлять с моментом зарождения искусства танца «буто». Успех многочисленных произведений Мисимы вывел его в лидеры японской послевоенной литературы. В декабре 1951 года Мисима, не без протекции отца, отправился, в качестве специального корреспондента газеты «Асахи симбун», в кругосветное путешествие, вернувшись на родину в августе следующего года.

В результате кругосветного путешествия Юкио Мисима, по его собственным словам, заново открыл для себя солнечный свет, телесность и ощущения, что оказало огромное влияние на его дальнейшую литературную деятельность. Вернувшись в Японию, он, от рождения худой, болезненный и слабый, начиная примерно с 1955 года, принялся за радикальную перестройку собственного тела, всерьёз занявшись бодибилдингом. В то же время стиль писателя стал меняться

под влиянием японской классической литературы. Это нашло своё выражение в написанном им в 1956 году, под влиянием эстетики Мори Огая и Томаса Манна, романе «Золотой храм» о сожжении молодым монахом храма Кинкакудзи. «Золотой храм» стал одной из творческих вершин молодого писателя и самым популярным в мире произведением не только Юкио Мисимы, но и японской литературы вообще.

После выхода в свет «Золотого храма» читательская аудитория восторженно воспринимала каждое новое сочинение Мисимы. Сначала написанный на фоне идиллического пейзажа острова Камисима (префектура Миэ), по мотивам известной античной пастушеской идиллии (считающейся первым в истории пасторальным романом) греко-римского сочинителя Лонга о Дафнисе и Хлое, роман «Шум прибоя» (1954), а затем – романы «Долгая весна» (1956) и «Пошатнувшаяся добродетель» (1957) стали бестселлерами. Многие из его произведений были экранизированы. Мисима превратился в одну из виднейших фигур японского литературного мира. В это же время, Мисима обратился к драматургии и написал сборник пьес для театра «Но», а затем, примкнув к театру «Бунгакудза», успешно дебютировал в качестве актера.

В 1959 году вышел в свет его роман «Дом Кёко», на создание которого ушло около двух лет и который, по замыслу автора, был своеобразной антитезой «Золотому храму»: если «Золотой храм» представлял собой глубокий анализ внут-

ренного мира отдельного человека, то в «Доме Кёко» центральное место заняло отображение современной эпохи в целом. Мнения литературных критиков разделились: Такэо Окуно назвал роман шедевром, в то время как Кэн Хирано и Дзюн Это единодушно оценили «Дом Кёко» как полный провал. Реакцию читательской аудитории, склонявшейся, в целом, к мнению Хирано и Это, также нельзя было назвать положительной. В результате Юкио Мисима, дотоле избалованный успехом, впервые в своей литературной деятельности испытал действительно сильное разочарование, что сказалось на всей его дальнейшей карьере.

Тем не менее, последовавший за публикацией «Дома Кёко» период оказался весьма плодотворным для не утратившего своей популярности Мисимы. В эти годы он написал романы и повести «После банкета» (1960), «Красивая звезда» (1962), «Шёлк и проницательность» (1964) и новеллу «Сэмбэй (вид японского рисового крекера – В.А.) за десять тысяч иен» (1960)».

За «Сэмбеем за десять тысяч иен» последовали новеллы «Патриотизм» (1961), «Меч» (1963), пьесы «Розы и пираты» (1958), «Тропические деревья» (1960), «Кото (японская цитра – В.А.), приносящее радость» (1963) и другие сочинения.

В личной жизни Юкио Мисимы также произошли немаловажные изменения. В 1958 году он женился на Ёко Сугияме, дочери известного мастера классической японской

живописи Ясуси Сугиямы. Вместе с молодой женой Мисима поселился в новом особняке, построенном в викторианском стиле (проектирование и строительство особняка было осуществлено известной японской строительной компанией «Симидзу кэнсэцу»). Однако вслед за долгожданным завершением строительных работ начался период разного рода неприятностей и неурядиц. В их числе были скандал и судебный процесс, затеянный дипломатом Хатирос Аритой, обвинившим Мисиму в 1961 году в том, что писатель в своем произведении «После банкета» нарушил право Ариты на неприкосновенность частной жизни (процесс был прекращён лишь со смертью Ариты в 1965 году). Кроме того, в том же 1961 году Мисима начал получать послания, содержащие угрозы физической расправы, от правых радикалов. Недовольство японских правых Юкио Мисимой было вызвано широко известной поддержкой, оказанной Мисимой молодому писателю Ситиро Фукадзаве, включившему в свой роман «Необыкновенный сон» шокирующую, антипатриотическую и кощунственную, с точки зрения приверженцев традиционных японских ценностей и представлений, воображаемую сцену. Убийство коммунистами наследного принца Акихито и принцессы Митико (будущих Императора и Императрицы Страны Восходящего Солнца), приводящее в восторг японцев. Это оскорбило японских патриотов-традиционалистов и побудило их к совершению террористического акта, получившего в прессе известность как «Скандал

с Накадзимой» (по имени директора издательства «Тюокорон», выпустившего кощунственный по отношению к Императорской Семье и оскорбительный для японского народа роман; дом и семья Накадзимы подверглись нападению правых радикалов). В результате всех этих событий резиденция особняк Мисимы в течение нескольких месяцев находилась под охраной полиции. Младший брат писателя – дипломат Тююки Хираока – впоследствии утверждал, что характер взглядов и поступков "зрелого" Мисимы изменился именно под воздействием шока и страха перед правыми экстремистами, впервые испытанного им в период «скандала с Накадзимой». Однако это объяснение, данное дипломатом «задним числом», скорее всего, было продиктовано соображениями пресловутой «политкорректности».

К 1962 году у Юкио Мисимы созрел замысел написать тетralогию «Море изобилия». В 1963 году разразился новый скандал, на этот раз вокруг его пьесы «Кото, приносящее радость».

Руководство театра «Бунгакудза» категорически отказалось ставить пьесу «Кото, приносящее радость» ввиду её излишней «политизированности». В результате скандала Мисима и четырнадцать ведущих актёров театра демонстративно покинули «Бунгакудза». Однако, несмотря на то, что «Кото, приносящее радость» и некоторые другие сочинения Мисимы во многом соответствовали духу того времени, когда на волне беспрецедентного по своему масштабу граж-

данского протеста против японско-американского договора безопасности вторжение политики в искусство стало повсеместным, «излишняя (по меркам 1963 года) политизированность» Мисимы была ещё весьма и весьма далека от той, которая стала характерной для него во второй половине 1960-х годов. В этот период Мисима, наряду с бодибилдингом, превратившим его из довольно щуплого, слабосильного и художочного, каким он был в начале своего литературного и жизненного пути, в человека с необычайно красивой мускулатурой, начал усердно заниматься «кэндо» (самурайским искусством владения мечом, известным в древности под названием «кэндзюцу»). Снявшись в главной роли в художественном фильме Ясудзо Масумуры «Караккадзэ яро» (продюсер Масасити Нагата, киностудия «Дайэй», 1960), позируя известному мастеру художественной фотографии Эйко Хосозэ для фотоальбома, озаглавленного «Форма розы» (1963), Мисима стал целенаправленно создавать и пропагандировать в средствах массовой информации культ своего тела, сильного и преображённого в ходе изнурительных тренировок, желая дать пример для подражания японской молодежи, да и вообще всем японцам.

На данный период жизни и творчества Юкио Мисимы пришлись многочисленные инсценировки его пьес и популяризация его творчества в Европе и Америке, благодаря начавшим появляться в печати переводам на европейские языки. Именно в эти годы произведения Мисимы получили все-

мирную известность, удостаиваясь высокой оценки критиков на Западе.

В 1965 году началась продолжавшаяся до 1967 года серийная журнальная публикация романа «Весенний снег», первой части посвящённой интерпретации буддийской концепции круговорота человеческого существования тетралогии «Море изобилия», задуманной Мисимой как главный труд всей его жизни. Над этой тетралогией, состоящей из четырех романов: «Весенний снег», «Несущие кони», «Храм на рассвете» и «Падение ангела», Мисима работал с 1965 по 1970 год. В том же 1965 году вышла пьеса «Маркиза де Сад». В этот последний период жизни и творчества Мисимы его кандидатура несколько лет подряд выдвигалась на соискание Нобелевской премии по литературе, но безуспешно.

В эти годы Юкио Мисимой была написана и экранизирована (с самим автором в главной роли) его знаменитая новелла «Патриотизм» (1965) о самоубийстве молодого офицера японской Императорской Армии и его супруги в знак солидарности с обреченными на поражение и казнь участниками военного мятежа «молодых офицеров» во имя «освобождения Божественного Императора из-под влияния дурных министров» (многие из которых были убиты путчистами) и торжества «чистой Императорской идеи» в мае 1932 года. Им были также опубликованы «Голоса духов героев» (1966), и вторая часть тетралогии «Море изобилия», получившая название, «Несущие кони» (1968). В «Несущих конях» Ми-

сима продолжил линию героев «Весеннего снега». Рационалиста и законника Сигэкуни Хонду в зрелом возрасте жизнь сводит с девятнадцатилетним юношей, в котором он вдруг видит типичную для буддийских представлений реинкарнацию, то есть перевоплощение, своего горячо любимого друга Киёаки Мацугаэ. В новой жизни (как и в прежней) столкновение мечты друга с реальностью заканчивается смертью, трагической, но завораживающей в своем величии и своей красоте.

Исао – новое воплощение Киёаки – доблестный юноша, достигший совершенства (как и его создатель Юкио Мисима) в боевом искусстве владения мечом – «кэндо». Он горячо любит свою страну и для того, чтобы возродить ее славу и величие, замышляет государственный переворот силами тайной организации «Союз возмездия».

Доказательством чистоты своих помыслов Исао полагает принятое им решение – как в случае неудачи, так и в случае удачи покончить с собой единственным способом, достойным истинно доблестного мужа – вспоров себе живот самурайским мечом.

В романе «Несущие кони» Юкио Мисима во многом детально описал будущую собственную смерть – принятое у японских самураев ритуальное самоубийство «сэппуку».

Наряду с романом «Несущие кони», Мисима создал многочисленные произведения, также воспевающие героическую смерть и подчёркивающие неразрывность связи между

эстетической красотой и политическими действиями.

В декабре 1966 года Юкио Мисима познакомился с редактором правого националистического журнала «Ронсо» («Спор»). Между Мисимой и группой активистов журнала завязались тесные отношения, натолкнувшие его на идею создания собственной военизированной группы единомышленников, придерживающихся, как и он сам, взглядов, не просто откровенно монархических, но и считающихся крайне правыми в современной Стране Восходящего Солнца. Первыми шагами к реализации этой идеи стали вступление Юкио Мисимы в состав японских Сил самообороны и совершение им полёта на истребителе Локхид Ф-104 «Старфайтер», а также начало формирования на базе группы авторов и читателей журнала «Ронсо» крайне правой ультрамонархической организации «Татэ-но-Кай» («Общество Щита»). В это же время Юкио Мисима сблизился с Главнокомандующим японскими Силами самообороны Киёкацу Ямамото. Вышли в свет политически ангажированные «Солнце и сталь», «Моё Хагакурэ», «В защиту культуры» и другие известные публицистические произведения Мисимы.

В 1968 году началась публикация романа Мисимы «Храм на рассвете», третьей части тетралогии Мисимы, а также вышла его вызвавшая очередной скандал пьеса «Мой друг Гитлер» (посвященная драматическим коллизиям взаимоотношений между Адольфом Гитлером и командиром его партийных штурмовых отрядов – СА – Эрнстом Рёмом, завер-

шившихся «Ночью Длинных Ножей»).

В 1969 году Мисима обратился к написанию пьес для театра «Кабуки» и опубликовал несколько драматических произведений в этом жанре. Во время студенческих волнений Мисима посетил захваченный левыми студентами Токийский университет, где принял участие в яростной дискуссии о роли Императора и государственном устройстве; главным оппонентом Мисимы выступил Масахико Акута. Мисима в очередной раз снялся в кино, сыграв роль в поставленном известным режиссером Хидэо Гося фильме «Убийство». Из-за разногласий, связанных с финансированием военных расходов общества «Татэ-но-Кай», Мисима прекратил сотрудничество с журналом «Ронсо», однако в составе «Общества Щита» остался активист «Ронсо» и член Японской Студенческой Лиги Масакацу Морита, которому было суждено сыграть ключевую роль в последовавших далее событиях, закончившихся самоубийством Мисимы.

В сущности, Юкио Мисима был, в сущности, запоздалым романтиком, сумевшим, однако, доказать не только Японии, но и всему миру свою способность подняться до высот подлинного героизма. Познание принципов, лежащих в основе Порядка, Традиции и Патриотизма, обязывает познавшего их к последовательности действий. Трусливые оправдания иных людей, что они, дескать, «вылеплены из другого теста, чем герои», представляются нам совершенно безосновательными. В знаменитом сборнике самурайских наставле-

ний «Хагакурэ» («Сокрытое в листве», или «Скрытое под листьями»), вершине самурайской философии, записанном в начале XVII века Тасиро Цурамото со слов своего учителя Дзётё Ямамото (Ямамото Цунэтомо) по прозвищу «Дзохо» (ставшего буддийским монахом-отшельником после того, как его господин и сюзерен Мицусиги Набэсима, уходя из жизни, категорически запретил своему верному вассалу и слуге покончить с собой), сказано: «Самурай клана Набэсима не нуждается ни в духовности, ни в таланте; попросту говоря – ему достаточно иметь волю к тому, чтобы нести дом своего Государя на своих плечах».

В своем сборнике избранных цитат из «Хагакурэ» Юкио Мисима комментирует эти слова в следующих выражениях:

«Дзохо указывает на то, что здесь речь идет о великой, первозданной силе, побуждающей человека к совершению подвигов. Если нормальная жизнь ограничивается добродетелью скромности, то на основе ежедневных упражнений идея не может вырасти в деяние, превышающее по силе эти упражнения. Она нуждается в высокой степени уверенности в себе и одновременно в убеждении, что ты сам и один должен нести дом на своих плечах. Как и грекам, Дзохо были хорошо известны чары, блеск и ужас, исходящие от того, что именуют «хюбрис» (ὑβρις – дерзость – В.А.)».

(Юкио Мисима. «К этике подвига»).

Именно этой «хюбрис» (одно из значений данного слова у древних греков – «олицетворение возвышенного духа»)

всем нам сегодня не хватает, уважаемый читатель. Всякий человек, вообще еще способный осознать происходящий вокруг нас всеобщий распад, похоже, полагает, что не лично он, а кто-то другой должен что-то сделать, что-то предпринять против этого распада, или, что, пока этот другой ничего не делает, его собственные действия бессмысленны, что нужно сначала собрать под свои знамена тысячу, потом десять тысяч, потом сто тысяч единомышленников, и уж тогда..., а пока что не делается ровным счетом ничего.

25 ноября 1970 года Юкио Мисима – первый писатель послевоенного поколения японцев, после долгого перерыва заговоривший о воинской доблести («бутоку») – в сопровождении всего четырёх спутников – студентов в военной форме бывшей Японской Императорской Армии – направился в Штаб-квартиру японских Сил самообороны в Итигая. Утром, перед поездкой в Итигая, Мисима отослал своему редактору Тикако Кодзима текст романа «Падение ангела» – последней части тетралогии «Море изобилия» и вообще последнего сочинения Юкио Мисимы.

Штабная охрана беспрепятственно пропустила их внутрь по приказу генерала Маситы Канэтоси, приятеля Мисимы и ценителя его литературного таланта. По просьбе генерала, Юкио Мисима показал ему извлеченный из ножен клинок своего старинного самурайского меча. Когда генерал наклонился, чтобы полюбоваться драгоценным мечом, один из спутников Мисимы схватил его сзади. Генералу связали ру-

ки и затолкали ему в рот кляп. Юкио Мисима и его спутники, сняв фуражки, повязали себе головы белыми лентами с красным солнечным кругом и чёрной надписью «Отдай все твои семь жизней Императору».

Такие повязки надевали перед совершением своего жертвенного подвига японские воины-смертники – «банзай-самоубийцы», бросавшиеся с боевым кличем «Банзай!» – «Десять тысяч лет (Императору)!» – в безнадежные (с точки зрения личного выживания) штыковые атаки на неприятельские укрепленные позиции в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов, взрывавшие себя вместе с неприятельскими танками добровольцы с противотанковыми минами на бамбуковых шестах (честь мужеству которых воздал даже советский поэт-фронтовик Константин Симонов в поэме «Далеко на Востоке»), экипажи начиненных взрывчаткой скоростных катеров, самодвижущихся морских и воздушных торпед «бака» и, конечно же, лётчики-смертники («камикадзе», буквально: «Божественный Ветер») времен Второй мировой. Спутники Юкио Мисимы, взявшие в заложники генерала Маситу, забаррикадировались в его рабочем кабинете и отбили атаку штабных офицеров. Затем Мисима вышел на балкон здания Штаб-квартиры японских Сил самообороны. По требованию писателя, под балконом, выходящим на плац перед Штаб-квартирой, собрался весь гарнизон, чтобы выслушать его.

Юкио Мисима был не только блестящим публицистом, но

и выдающимся оратором. Не раз – с непоколебимым мужеством и с риском для собственной жизни! – выступая перед многотысячной студенческой аудиторией в диспутах с самыми буйными и языкастыми представителями левых организаций и сил, он всегда выходил из споров победителем. Многие из членов учрежденного Мисимой «Общества Щита» были в прошлом сторонниками идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао-Цзэдуна и даже Ким Ир Сена, которых Юкио Мисиме удалось переубедить и «обратить в самурайскую веру». И теперь он выступил с последним в этой своей жизни «литературным докладом» в форме обращенного к собравшимся внизу военнослужащим японских Сил самообороны призыва к государственному перевороту во имя восстановления полномочия Императора.

Однако обстоятельства были против него. Над зданием штаба Сил самообороны роем железной саранчи кружили многочисленные вертолёты с телевизионщиками и репортёрами на борту. Рокот их моторов заглушал его зычный голос. Мало кому удавалось расслышать его слова. В результате призывы Юкио Мисимы отказаться от действующей в Японии с послевоенных времен, навязанной ей победителями, Конституции, совершить в стране государственный переворот и реставрировать власть Императора, не нашли отклика у большинства его слушателей.

Впрочем, он несколько не смутился этим обстоятельством и подтвердил верность своим принципам высшей фор-

мой жертвенного свидетельства – покончив с собой согласно традиционному для самураев ритуалу «сэппуку», вправил себе живот кинжалом. Верный соратник (и возлюбленный) Мисимы, лейтенант Морита Масакуцу, чтобы облегчить предсмертные страдания своего господина, вождя и учителя, взяв на себя традиционную роль добровольного «помощника», или «секунданта» («кайсяку»), попытался обезглавить его самурайским мечом. После нескольких неудачных попыток обезглавить Юкио Мисиму, Морита передал меч своему соратнику Коге, который и отсек голову Мисиме. После гибели учителя Морита и Кога также покончили с собой.

Вслед за Юкио Мисимой, добровольно ушел из жизни его старший друг, наставник и учитель – классик японской литературы, лауреат Нобелевской премии Ясунари Кавабата. По свидетельству очевидцев, многие солдаты японских Сил самообороны после самоубийства открыто высказывали сожаление, что не прислушались к призыву Мисимы-сэнсэя и не примкнули к нему...

«Вернём Японии её истинный облик – и умрём. Или вы хотите сохранить свою жизнь и дать умереть своей душе? Сердцем истинного, Имперского образа Японии является Император – Тэнно. Он есть посредник между Небом и Землей, Он есть сердце японского народа. Пусть даже Его властные прерогативы ограничены, но он действует самим Своим существованием, самим Своим бытием, представляя, как

человек, людей перед лицом богов, а, как бог – богов перед лицом людей. Именно в силу того, что Тэнно не действует, а лишь присутствует, Он нуждается в организациях защитников, мужских союзах, воинских братствах, позволяющих ему полновластно править своей Империей» – провозглашал «последний самурай».

Такую организацию («Кадетский корпус») Юкио Мисима и основал 3 ноября 1968 года из активистов-читателей журнала «Ронсо». Как уже было сказано выше, организация Мисимы официально называлась «Обществом Щита» и состояла из нескольких десятков (по другим сведениям – пяти сотен) студентов, обмундированных в военную форму, разработанную для них лично Мисимой (напоминавшую – особенно фуражки – военную форму германского вермахта и СС).

В названии организации, основанной Мисимой, содержался двойной смысл. С одной стороны, оно восходило к овеянной легендами героической фигуре раннего японского Средневековья – доблестного витязя Ёруцу, верно служившего Божественному Тэнно в VI столетии и прозванного современниками «Щитом Императора» за непоколебимую преданность своему Государю. С другой стороны, название «Общество Щита» в переводе с японского языка на английский звучало как «Шилд Сосайети» («Shield Society») – то есть, сокращённо, SS.

Юные «SS-овцы» Юкио Мисимы приходили воен-

но-спортивную подготовку на учебных полигонах японских Сил самообороны у подножия священной горы Фудзи. Они хранили верность не только и не столько самому Мисиме (игравшему в «Обществе Щита» роль средневекового «сёгунa» – военного диктатора, повелевавшего самураями и всей Японией от имени Императора), сколько, через него, самому Тэнно!

Этих современных самураев, подобно их древним предшественникам, объединяло не стремление к добродетельной жизни, но возможность добродетельной смерти; а таковой, как учил их Мисима-сэнсэй, является смерть во имя японской Нации и самое яркое проявление ее – добровольная смерть за Божественного Тэнно. Поэтому, в соответствии с древней японской традицией, смысл и предназначение подобных боевых союзов, существовавших на всем протяжении долгой и бурной истории Страны Восходящего Солнца, заключается не в достижении каких-либо политических целей, а в совместной смерти. Политические последствия – а свои государственно-философские представления, естественно, были и у Юкио Мисимы! – являются, в свете этой самурайской традиции, не более, чем побочным продуктом чистого действия. Чистое действие есть наивысшая форма приближения к чистой сущности бытия Тэнно.

Поскольку, с точки зрения Юкио Мисимы и его молодых единомышленников-«неосамураев», в насквозь проникнутом западным духом, демократизированном, упадочниче-

ском мире современной Японии подлинных традиций больше не осталось, акт «сэппуку» одновременно являет собой аспект жертвоприношения, которое может и должно повлечь за собой Возвращение, новый Восход Японского Солнца. Этот внутренний Восход Солнца Юкио Мисима пророчески описал в одном из своих последних произведений – в романе «Хомба», или «Несущие кони», второй части его тетралогии «Море изобилия» (над тетралогией «Море изобилия», состоящей из четырех романов – «Весенний снег», «Несущие кони», «Храм рассвета» и «Падение ангела» – Юкио Мисима работал до последних лет своей жизни, с 1965 по 1970 год – В.А.):

«Исао глубоко вздохнул, провел рукой по животу, закрыл глаза. Приставил острие кинжала, зажатого в правой руке, к животу, пальцами левой руки определил место и правой рукой с силой вонзил кинжал.

И в тот момент, когда кинжал проник внутрь, за закрытыми веками с ослепительным блеском вспыхнул солнечный круг».

(Юкио Мисима «Несущие кони»).

К моменту своего «прямого действия», Мисима не был горячим юнцом, склонным к необузданным поступкам и порывам. За его плечами была солидная карьера плодовитого писателя, хотя и начатая, в соответствии с духом времени, упоминавшейся выше скандальной книгой с гомоэротической окраской – пресловутой «Исповедью маски». Он

неустанно работал над развитием и укреплением своих тела и духа, но, в то же время, любил эпатировать «добропорядочное общество» и наносить «пощечины общественному вкусу» – например, при всем честном народе танцевать в паре с мужчинами – и, случалось, поколачивал свою жену (хотя, несмотря на свои гомоэротические склонности, был примерным мужем и отцом, любил своих детей). Нельзя сказать, что все эти действия никак не были связаны с его философией и, в конечном итоге, с избранной им формой смерти. Совсем наоборот, в них явственно отражались его настойчивые и неустанные попытки приблизиться к Красоте, Силе и Смерти. Однако земными средствами их можно только показать, но не осуществить. В Смерти же самурай может воплотить вечные принципы, если он предварительно пережил внутреннюю трансформацию, разделённую в свое время итальянским «консервативным революционером» бароном Юлиусом Эволой на четыре фазы:

1. Сделатья господином внешних впечатлений и инстинктов (мужская аскеза);
2. Добиться подчинения организма собственному авторитету – стойкость (соответствующая военной подготовке в собственном смысле этого слова);
3. Установить контроль над своими страстями и чувствами, правда – в форме внутреннего равновесия (не впадая, однако, при этом в состояние отупения);
4. Отказаться или отрешиться от собственного «Я».

(Барон Юлиус Эвола. «Путь самурая»).

Только отказавшись или отрешившись от собственного «Я», только перестав придавать ему какое бы то ни было значение, мы становимся готовыми к героической смерти в бою или к «сэппуку». Не всякий человек, избавляющийся от своей жизни через самоубийство, тем самым обручается со смертью. Бракосочетание со Смертью должно быть тщательно подготовлено и являться предметом свободного, осознанного выбора. Только в этом случае мы можем быть гарантированы от неудачи, как это явствует из приведенного ниже краткого диалога между студентом-путчиком Исао и лейтенантом Хори, взятого из книги Юкио Мисимы «Несущие кони»:

– И тебя не смущает, что восстание «Союза возмездия» потерпело поражение?

– Это не было поражением.

– Ты так считаешь? Во что же ты веришь?

– В меч, – ответил Исао одним словом.

Лейтенант немного помолчал. Словно обдумывал следующий вопрос.

– Ладно. Задам еще один вопрос. А чего ты больше всего хочешь в жизни?

На этот раз какое-то время молчал Исао... Подбирая слова, но без колебаний он выговорил:

– Солнечным... На крутом обрыве при восходе солнца, молясь на встающий сияющий круг... глядя на блистающее

внизу море, у корней благородной сосны... умереть от своего меча.

Так, успев перед смертью воскликнуть: «Тэнно хэйка банзай!», закончил свою жизнь и сам Юкио Мисима, прозванный многими из своих современников «последним самураем». Но кто же такие, в конце концов, эти самураи, и почему они до сих пор не могут считаться сошедшими с исторической сцены, хотя формально это феодальное сословие не существует в Японии со времен буржуазной «революции (реставрации) Мэйдзи»?

О значении слова «самурай»

Пользующееся в настоящее время широчайшей известностью японское слово «самурай», вошедшее в период с конца XIX до середины XX века (если не раньше) во многие иностранные языки, стало символом и синонимом отважного, бескомпромиссного воина, сражающегося за идею и ставящего свою честь выше собственной жизни. Своим происхождением самураи обязаны клановым военным отрядам, сражавшимися в раннюю эпоху Японской Империи с «варварскими» племенами, издавна населявшими пограничные районы Страны Восходящего Солнца. В X-XII веках, в период междоусобных войн между различными японскими феодальными родами («кланами», «воинскими домами» или «военными домами», о которых подробнее будет рассказано далее) могущество самураев все более возрастало. К середине XII века одному из военных предводителей самураев – прославленному полководцу Киёмори Тайре – впервые удалось захватить власть в Стране Восходящего Солнца. Впрочем, еще раньше, в 935 году п. Р.Х., мятежный самурайский князь Масакадо Тайра на какое-то время провозгласил себя Императором, но реально подчинить Страну Восходящего Солнца своей власти ему не удалось. Об этой неудачной попытке узурпации титула и власти Божественного Тэнно представителем самурайской военной ари-

стократии будет подробнее рассказано далее. В 1192 году другой самурайский князь, Ёритомо Минамото (о котором у нас также еще будет подробнее рассказано далее) создал первое самурайское государство, отняв власть у центрального Императорского правительства и предельно ограничив полномочия Божественного Императора (роль которого была сведена лишь к исполнению религиозных обрядов и участию в официальных церемониях). С тех пор почти на семь столетий в Японии утвердился режим, при котором политическая власть сосредоточилась в руках самурайской военной аристократии. Влияние самурайского военного сословия, его образа мыслей, религиозных убеждений, привычек, культуры на жизнь всего японского общества стало подавляющим. Ощущается оно в полной мере и по сей день.

Японское слово «самурай» (происходящее от глагола «сабурау», то есть «служить», «охранять») имеет много значений и смысловых граней. Первоначально слово «самурай» имело значение «личный слуга» или «личный охранник», «телохранитель», «вооруженный слуга», «вооруженный страж». В X веке этим словом стали называть профессиональных воинов невысокого звания, находившихся на службе у Императора (то есть у тогдашнего японского государства), а отнюдь не всадников-аристократов («рыцарей»), как впоследствии. Воинов, принадлежащих к высшим слоям японского общества, тогда именовали «буси». Термин «буси» («букэ») впервые засвидетельствован в период Нара

(710–784 годы), а ранее для обозначения воина использовалось слово «мононофу». Со временем, однако, слово «самурай» стало синонимом слова «буси», и незнатные члены воинского сословия стали называть себя и «самурай», и «буси» (в отличие от привилегированного слоя земледельцев, также периодически привлекавшегося к воинской службе – «госи», считавшихся все-таки не полноценными профессиональными воинами, крестьянами), пока слово «самурай» не вытеснило полностью слово «буси». Для обозначения представителей некоторых крупных феодальных родов, независимых от сёгунского «палаточного (шатрового) правительства» – «бакуфу» (о котором читатель узнает подробнее из дальнейшего изложения) применялся термин «дзи-самурай». К началу XVII века «самураем» в Японии называли всякого, кто имел право носить «дайсё», то есть, два меча, за исключением разве что самураев самого высшего ранга – «даймё» («дайме», «даймэ»), владетельных князей, о которых будет подробнее рассказано далее).

В русском языке слову «самурай» более или менее соответствуют понятия «служивый», «служилый человек», «дворянин» или «рыцарь». Однако наиболее точным переводом слова «самурай» на русский язык нам представляется словосочетание «боевой холоп». «Холопом» в Древней Руси именовался всякий лично зависимый человек, близкий по своему юридическому положению к рабу («робичичу»). Между тем, на практике между различными категориями «холо-

пов» имелись весьма существенные различия. «Боевые холопы» (или «боевые послужилыцы») – лично зависимые от знатного воина люди, входившие в его «дворню» (от понятия «дворня», «дворовые люди», кстати, и происходит слово «дворяне») и обязанные являться, вместе со своим господином и предводителем, на военную службу, существовали в средневековой Древней Руси на протяжении длительного периода и со временем стали одним из источников образования феодального сословия служилого дворянства (именно «боевым холопом» – а не просто «холопом»! – князя Телятевского был, например, известный деятель времен Смутного Времени Иван Исаевич Болотников (уже сам факт наличия у него отчества, вошедшего в письменные документы, свидетельствует о том, что он был не «от сохи») долгое время велеречиво именуемый советскими историками и другими историками-марксистами «крепостным крестьянином» и «выдающимся вождем Крестьянской войны начала XVII века в России»).

В средневековой феодальной Западной Европе «боевым холопам» соответствовали так называемые «министерялы».

Прослойка министерялов возникла постепенно, в процессе освобождения нетитулованных военных слуг. Из оброчного населения стало возможным подняться в министерялы, получив должность при дворе феодального сеньора, нести службу в его войске в качестве легковооруженного

всадника, а со временем, заслужив соответствующий бенефиций (земельное пожалование за военную службу), или, говоря по-русски, «поместье», которое воин получал «по месту (военной службы)», перейти в тяжелую конницу и стать «эквесом» или «милесом» (по-латыни), т.е. рыцарем (тяжеловооруженным конным воином). Таким путем из среды несвободных со временем выделился привилегированный класс дворовых слуг знатных и богатых феодалов. Такие дворовые слуги именовались «вассы» (лат.: *vassi* – от этого слова впоследствии произошли известные феодальные термины «вассал» и «вассалитет»); слово «вассал», по мнению целого ряда филологов и историков, происходит от валлийского слова «*gwaz*», означающего «тот, кто служит», «слуга», «служивый», «служилый», и являющегося, таким образом, еще одним – на этот раз кельтским – эквивалентом японского слова «самурай»), «сервы–министерялы», буквально: «рабы–служители» (лат.: *servi ministeriales*) или «пуэры» (лат.: *pueri*) – «холопы». Дело в том, что латинское слово «пуэр», являвшееся еще в античном Риме синонимом слова «серв(ус)», то есть «раб», буквально означает «мальчик», «отрок», «хлоп(ец)», «хлоп(чик)», то есть «холопчик» (так во многих славянских языках – например, в польском, украинском белорусском) по сей день именуется не только «мальчик», но и «(крепостной) крестьянин».

В средневековой Европе – первоначально во Франкской державе, а после ее распада – в рамках возникших на раз-

валинах раннесредневековой империи Карла Великого феодальных государств – сложилась так называемая ленная система. Эта основанная на соединении государственной власти с землевладением средневековая система государственного управления состояла в том, что сюзерены (верховные собственники) раздавали участки земли своим вассалам (становясь по отношению к ним «сеньорами», то есть, в переводе с латыни, «старшими»), которые, сверх арендной платы за землю, обязаны были им и личной службой во время войны. По понятиям средневекового права, король считался верховным собственником (сюзереном) государственной территории, отдельные части которой он отдавал в пользование и управление своим приближенным и воинам, под условием исполнения последними известными натуральных и денежных повинностей. Иногда и независимые владельцы подчинялись королю и становились к нему в ленные (зависимые) отношения, приобретая тем самым его защиту и покровительство. Собственники обширных земельных угодий, западноевропейские короли, сохраняя за собою верховное право собственности (сюзеренитет), раздавали эти земли своим дружинникам вместе с правами государственного управления в их пределах, на условиях службы (прежде всего – военной) королю или уплаты определенной аренды. С другой стороны, вследствие необеспеченности прав и безопасности человеческой личности в эпоху постоянно усиливавшейся, после распада державы Карла Великого, фео-

дальней раздробленности и «войны всех против всех», многие собственники аллодов, то есть независимых земельных участков (дарованных им однократно за какую-либо заслугу и с этого момента считавшиеся находящимися в их полном и безусловном владении), добровольно становились в ленные отношения к сильным королям, приобретая этим их защиту. Каждый ленник, или вассал, мог, в свою очередь, уступить (или, точнее говоря, переуступить) часть своей земли и своих прав (полученных им от сюзерена) третьему лицу, которое становилось уже его вассалом, и теперь зависело уже непосредственно от него (отсюда – известная формула феодального права «вассал моего вассала – не мой вассал») и т. д.

С развитием ленной системы министериалы получали лены и привлекались к рыцарской службе. В то же время, западноевропейские министериалы (как и «дворские» в средневековой Руси) несли не только военную, но также придворную, административную и хозяйственную службу.

В средневековой феодальной Германии (а точнее говоря – в «Священной Римской Империи», именуемой впоследствии «Священной Римской Империей германской нации») министериалы с XI века составляли особое сословие «динстманнов» (нем.: *Dienstmannen*), буквально: «служилых людей», занимавшее в сословно-иерархической пирамиде место выше бюргеров-горожан и свободного сельского населения (буров, бауэров, *buiren, Bauern*), но ниже свободных ры-

царей. Признаком несвободного состояния «динстманнов» являлась только невозможность бросить службу по желанию или «отъехать» (используя соответствующее древнерусское выражение) к другому «князю» (сеньору). Как известно, Царь Иоанн Васильевич Грозный расценивал «отъезд» любого из своих подданных, вплоть до самых знатных «бояр», не как исконную, освященную веками привилегию, а как «измену» именно в силу того, что считал всех подданных своими «холопами».

Особенное значение министриалы приобрели в «Священной Римской Империи (германской нации)» в XII-XIV веках, добившись прав отдельного сословия, личной свободы и став одной из опор центральной власти в германских княжествах.

Так, например, в XIII веке, согласно баварским законам, министриалы не имели права занимать должности выше свободных людей, несущих обычную военную службу (хотя на практике дело порой обстояло иначе). Только монарху (баварскому князю) и крупным феодалам (как светским, так и духовным) было дозволено законом сохранить при своей особе министриалов (однако и это правило нередко нарушалось). На протяжении XII-XIV веков из среды министриалов сформировалась часть мелкопоместного дворянства, чему способствовала рыцарская военная служба министриалов и их являвшееся результатом этой службы довольно высокое положение в феодальном государстве. В XV ве-

ке именно министриалы составили ядро немецкого рыцарского сословия – «риттерштанда» (нем.: Ritterstand), именуемого представителями образованных (преимущественно – монашеских, поскольку в описываемое время монахами были даже университетские профессора) кругов заимствованным у древних римлян термином «ордо эквестер» (лат.: Ordo equester, то есть «всадническое сословие»), что, при желании, можно перевести на русский язык и как «рыцарский орден».

Министриалы монарха нередко сами превращались в крупных феодалов, теряя непосредственную связь с короной, и вступали в сложную систему вассально-ленных отношений. Примером может служить один из могущественнейших министриалов «Священной Римской Империи германской нации» Вернер фон Болленд. Этот министриал одновременно являлся вассалом («боевым холопом», или, по-японски, «самураем») не одного и не двух, а сорока трех (!) различных феодальных сеньоров-сюзеренов (по-немецки: «ленсгерров», Lehnsherren), от которых получил в общей сложности более пятисот ленов, в том числе пятнадцать графств, и сам, в свою очередь, имел более ста ленников (нем.: «ленсманов», Lehns mannen). В то же время возвышались министриалы князей церкви и светских господ, которые также вливались в ряды господствующего класса. Аналогичную картину мы наблюдаем и в средневековой Японии. Между прочим, в английском языке до сих пор сохрани-

лось воспоминание о том, что многие рыцари, представители воинского сословия, изначально были не вполне свободными, но зависимыми от своего господина (сюзерена) людьми, его «слугами». Дело в том, что слово «найт» (англ.: knight), означающее в современном английском языке «рыцарь», в эпоху раннего Средневековья означало «слуга», «холоп» (в том числе и «боевой холоп»), как и аналогичное по значению и близко родственное ему по происхождению немецкое слово «кнехт» (Knecht).

Подобно «боевым холопам» Древней Руси и министералам средневековой Западной Европы, японские самураи также были, с одной стороны, привилегированным воинским сословием, имели право на ношение сразу двух мечей (эта пара мечей называется пояпонски «дайсё», о чем будет подробнее рассказано на дальнейших страницах нашей книги) и потому долгое время гордо именовали себя упомянутым нами выше словом «буси» («воин»), то есть человек, презирающий смерть и живущий по особым законам воинской чести – «пути воинов» («бусидо»). С другой стороны, жизнь всякого «самурая», как верного вассала, была всецело посвящена служению своему господину, сеньору, которого «боевой холоп» был обязан беречь как зеницу ока, беспрекословно повинаясь ему во всех жизненных обстоятельствах. Сеньор мог приказать любому из своих вассалов-самураев пожертвовать жизнью по его приказу, отправиться выполнять смертельно опасное задание и даже совершить

самоубийство. Самурай, утративший своего сеньора, одновременно лишался и средств существования, превращаясь в «ронина» – бесприютного скитальца, вынужденного терпеть всяческие бедствия и лишения. Бесконечные внешние (а чаще – внутренние, междоусобные) войны со временем выковали из японского «служивого» классический тип «боевого холопа» – сурового, закаленного воина, лихого рубаку и стрелка, мастерски владеющего не только мечами (а на более раннем этапе японской истории – в первую очередь луком и стрелами), но и любым другим оружием. Правда, наряду с бесчисленными примерами героических единоборств, проводимых по всем правилам рыцарского военного искусства (впрочем, не без определенной, чисто японской, хотя, возможно, и китайского происхождения, специфики, заключающейся в необходимости непременно отделить голову побежденного в поединке противника от тела и предъявить ее своему предводителю для получения награды, о чем еще будет подробно сказано далее), немалую часть военного искусства и военной практики «боевых холопов» державы Ямато, судя по хроникам бесчисленных войн и военных конфликтов, сотрясавших Страну Восходящего Солнца на протяжении большей части самурайского периода ее долгой истории, составляло умение «буси» незаметно подобраться в крепости, замку, дворцу или дому неприятеля, окружить его со всех сторон, кроме одной, поджечь, а затем перебить защитников, пытающихся спастись от огня, выбегая из пламени

пожара с этой, единственной стороны. Самураи разработали многие виды боевых искусств – «будо» – ставших ныне популярными в глобальном масштабе. К числу этих искусств относятся «дзюдзюцу» («джиу-джитсу»), «айкидо», «кэндо» (уже упоминавшееся нами искусство владения мечом, известное, как «путь меча»), «кюдо» (искусство стрельбы из лука, известное под названием «путь лука»), «дзюдо» и даже знаменитое «ниндзюцу» – боевое искусство неуловимых «ночных убийц» – «ниндзя» (начало которым положили беглые «ронины» – упомянутые выше бывшие самураи, лишившиеся своих сюзеренов). Единственным исключением в этом ряду боевых искусств, разработанных самураями, является, пожалуй, только «каратэ» (возникшее в крестьянской среде на «не совсем японском» острове Окинава и лишь впоследствии перенесенное оттуда в собственно Японию).

Бесстрашные и беспощадные в сражениях и в смерти, японские самураи отнюдь не были бездумными, не рассуждающими и тупыми «боевыми машинами». Эти свирепые и грубые на вид воины, готовые в любой момент пустить в ход свои острые, как бритва, смертоносные мечи, вели суровую и аскетическую жизнь, наполненную строжайшей внутренней самодисциплиной и поэзией. Их боевое мастерство, отточенное до малейших нюансов, подобно лезвиям их боевых мечей, далеко выходило за рамки военной сноровки и превращалось в высокое искусство, в образ жизни. И все это охватывало собой понятие «путь воина».

Многие «боевые холопы» средневековой Японии были не только воинами, но и выдающимися поэтами, художниками, каллиграфами, музыкантами, философами и мастерами буддийской духовной культуры «дзэн» («дзен»).

Самурайское сословие правило Японией с конца XII до середины XIX века. На протяжении многих столетий «боевые холопы» представляли собой элиту японского феодального общества и служили средоточием духа японской нации вплоть до самой буржуазной «Революции (Реставрации) Мэйдзи. «Революция Мэйдзи» именуется также «реставрацией Мэйдзи», поскольку была совершена во имя «реставрации» (восстановления) власти Божественного Императора – Тэнно, – фактически узурпированной военными предводителями самурайских кланов – «сёгунами». «Мэйдзи» (буквально: «Просвещенное Правление») – девиз нового царствования и одновременно – новое тронное имя, принятое Божественным Императором Муцухито после успешного осуществления этой своеобразной «революции-реставрации». Кстати, само слово «революция» (латинского происхождения, от *revolutio*) в своем исконном (принятом до сих пор, к примеру, в астрономии) значении, означает «возвращение (например, небесного тела, завершившего круговое движение по своей орбите) в свое прежнее положение и, с этой точки зрения, вполне может рассматриваться как синоним слова «реставрация», также означающего «восстановление» (исходного положения, прежних порядков, прежнего

строю и т.д.). Вероятно, первые европейские революционеры также воспринимали совершаемую ими революцию как «восстановление прежних справедливых порядков», «доброе старое времени» эпохи «справедливого общественно-го договора» и т.д., погранных злоупотреблениями неправедной власти (обычно не столько самого монарха, сколько окружающих его «дурных министров», «злых бояр») нарушившей этот «общественный договор». В этом смысле представляется не лишенным интереса следующее обстоятельство. Китайские иероглифы, которые обычно переводятся на русский язык (и на другие европейские языки) как «революция», в буквальном смысле слова означают: «мандат, выданный Небом на справедливое правление».... И хотя после «Революция Мэйдзи» в 1873 году все «дореволюционные», или, если угодно, «дореставрационные» самурайские привилегии были официально отменены на общегосударственном уровне, во всеяпонском масштабе, и самурайское сословие как таковое официально упразднено (как, впрочем, и все средневековые японские сословия вообще), моральные и культурные ценности, сложившиеся, на протяжении (весьма затянувшегося в Японии) периода Средневековья, внутри самурайского сословия, стали духовным достоянием всей японской нации, как бы превратившейся (естественно, в идеале, как всегда бывает в подобных случаях) в совершенно уникальную «нацию самураев». Не случайно, согласно исследованиям, проведенным американцами после окончания Вто-

рой Мировой войны, американский солдат прекращал сопротивление противнику в случае, если было убито двенадцать залегших вокруг него на позиции боевых товарищей, а японский – если девяносто! Самурайские ценности живы в умах, сердцах и душах японцев до настоящего времени, благодаря им современная японская культура достигла таких вершин, о которых другие нации могут, к нашему величайшему прискорбию и сожалению, только лишь мечтать. Не случайно наследие традиционной самурайской культуры сейчас творчески изучается не только в самой Японии (что само собой разумеется), но и во многих других странах мира (в том числе весьма активно – и в нашем многострадальном российском Отечестве, дорогом каждому честному русскому сердцу не меньше, чем японское Отечество – сердцу японскому).

Вне всякого сомнения, пришло время и для нас, россиян, перестать смотреть на самураев только как на наших «давних» (?) и «естественных» (?) врагов (хотя их потомки и требуют от нас, с достойным лучшим применением упорством, возвращения Японии пресловутых «северных территорий», то есть, Южных Курильских островов) и попытаться хотя бы в самом сжатом очерке ознакомиться с основными вехами их славной многовековой истории.

Об истоках воинских традиций Страны восходящего солнца

Воинские традиции Страны Восходящего Солнца уходят своими корнями в седую древность. Это не представляется удивительным. Дело в том, что далеким предкам современных японцев приходилось много и долго воевать за овладение своей будущей Родиной. Согласно древним легендам, Японские острова были в далеком прошлом сотворены самими богами (по-японски: «ками»). Вера в Божественное начало природы (и в Божественное происхождение японского народа) стала основой исконной религии древних японцев – «синто» («путь богов»). Японцы издавна верили, что их родные острова и управляющие ими «местные», «земные» боги-«ками» (соответствующие древнеримским «демонес лоци», *daemones loci*) сами являются порождениями небесного бога Идзанаги и его божественной супруги Идзанами. Тем не менее, не сам Идзанаги, а младшая дочь бога небес – богиня Солнца Амаэрасу-(но) О(о)миками (вышедшая из глаза своего божественного отца, подобно тому, как богиня Афина Паллада древних греков родилась во всеоружии из головы своего божественного отца – Зевса Громовержца), почитается японцами как главное синтоистское божество. Таким образом, получается, что каждый японец – естествен-

ный синтоист от рождения (и в силу своего рождения в качестве японца), независимо от того, какую еще религию он исповедует – буддизм, христианство и т.д. (именно поэтому в Японии по сей день насчитывается гораздо больше верующих, чем жителей).

Согласно синтоистским мифам (излагавшимся до самого – неудачного для Японии – окончания Второй мировой войны в качестве реальных фактов во всех школах Империи Восходящего Солнца), от солнечной богини Аматэрасу Омиками произошла династия японских Императоров. Родной внук Аматэрасу – полубог Ниниги-но Микото – был назначен своей божественной бабкой первым правителем Японских островов (любопытно, что боги, по учению синтоистов, сотворили только эти острова и населивших их японцев; к сотворению других земель и народов синтоистские «ками» не имеют никакого отношения, да и сами исповедники синто другими землями и народами, похоже, вовсе не интересовались, считая только себя «людьми» в собственном смысле этого слова). Отправляя внука из своей небесной обители Такамагахара на грешную землю, Аматэрасу вручила ему три небесных священных сокровища:

1) символ Солнца – магическое бронзовое зеркало с реверсом, украшенным шестиконечной звездой-гексаграммой, образованной двумя треугольниками, один из которых расположен вершиной кверху, а другой – вершиной книзу – древнейшим магическим знаком-оберегом, совершен-

но непропорционально считающимся в настоящее время исключительно символом иудаизма. Любопытно, что в эпоху до «революции (реставрации) Мэйдзи» японцы (подобно правоверным иудеям) не употребляли в пищу свинину, как «нечистое мясо» (в отличие от китайцев и корейцев). Впрочем, они вообще ели мало мяса (изредка употребляя в пищу домашнюю птицу), а на протяжении долгого времени употребления мяса в пищу было вообще запрещено. Основу питания составляли рис (у более состоятельных слоев населения – крестьяне питались в основном просяной похлебкой), мучные изделия из гречки и пшеницы, овощи, фрукты и морепродукты. Рыба тоже была по карману далеко не всем жителям Страны Восходящего Солнца, в том числе и далеко не всем самураям (которым нередко приходилось питаться сырой редькой, что нашло свое отражение даже в японской литературе и, в частности, в поэзии «танка»). Эта гексаграмма, под названием «Моген Давид», буквально: «Щит Давида», украшает, в качестве такового, государственный флаг современного государства Израиль.;

2) символ Молнии – волшебный меч (извлеченный некогда богом бурь, грозы и грома Сусаноо-но Микото из хвоста поверженного им чудовищного треххвостого восьмиголового дракона). Этот «Имперский» («Государственный») меч необыкновенной красоты, именовавшийся первоначально Амэ-но-мураку-мо-но-хокэн («Небесный драгоценный меч собирающих туч»), а впоследствии – Кусанаги-но-цуруги

(«Меч, косящий траву»), прямой и обоюдоострый (в отличие от более поздних, ставших со временем «классическими», самурайских изогнутых мечей с одним лезвием), с рукоятью в виде «ваджры» – древнего магического жезла-«перуна», вошедшего в число ритуальных буддийских принадлежностей, был передан богом бурь Сусаноо своей сестре – богине Солнца Аматэрасу, которая, в свою очередь, передала его своему правнуку Ниниги-но Микото, направив его управлять Японией. Считается, что подлинник этого меча утонул в водах Симоносекского залива вместе с малолетним Императором Антоку, потерпевшим поражение в битве при Дан-но ура, о которой будет рассказано далее, а современный меч – его точная копия. Ваджра (по-японски: «конгосё») символизирует мудрость, звучащую, как раскат грома, и ослепительную, как удар молнии. От одного вида ваджры в страхе бегут прочь все нечистые духи и демоны. В буддизм ваджра пришла из индоарийской ведической и брахманистской мифологии, в которой считалась оружием («перуном», «булавой» или «палицей») бога-громовержца Индры («пастуха небесных коров», то есть «Тучегонителя»), которым тот сразил дракона (змея) Вритру (после победы над Вритрой бог Индра стал именоваться «Вритрахан», «Победитель Вритры» – сходное имя «Вретрагна» у других, иранских ариев, носило божество битв). Налицо явное заимствование японцами, через буддистов, ведического сказания о боге-змееборце, причем то обстоятельство, что рукоять это-

го якобы «исконно японского» священного меча, врученного правителям Японии через посредство синтоистских (то есть добуддийских) божеств, имеет не японскую, а индоарийскую по происхождению форму «ваджры», заставляет усомниться в изначальном характере легенды;

3) символ Луны – драгоценное яшмовое ожерелье «магатама».

Этим трем божественным дарам богини Солнца суждено было в дальнейшем стать знаками верховной власти (инсигниями, или регалиями) всех последующих японских Императоров – «Сынов Неба (Солнца)», хотя в широком смысле слова, с точки зрения синтоизма, «сынами Солнца» могут считаться все японцы, составляющие, тем самым, не только одну нацию, но и один род, одну семью, возглавляемую одним Всеотцом – Императором, Сыном Солнца, и объединяемую общим происхождением от единого Божественного Предка (его можно было бы именовать Отцом Богов и Людей, как это делали древние эллины в отношении своего верховного Бога Зевса, к которому возводили свой род многие царские и аристократические фамилии античной Греции).

Спустившись с небес – обитали бессмертных и царства вечной жизни – на грешную землю, Ниниги-но Микото оказался в среде исторического времени и неизбежно связанных с ним процессов старения и умирания, поэтому ему пришлось позаботиться о продолжении собственного рода. Точнее говоря, поначалу боги предложили ему на выбор в жены

двух сестер – старшую («Деву Скалы»), весьма неприглядную с виду, но способную рожать бессмертных детей, и младшую («Деву Цветов»), способную рожать только смертных, недолговечных детей, но зато писаную красавицу. Как всякий юноша, еще не умудренный жизненным опытом, и принимающий решения больше сердцем, чем разумом, внук богини Солнца выбрал себе в жены красавицу. И потому жизнь человеческая так же недолговечна, как всякая красота. Внучка Ниниги-но Микото (и, соответственно, праправнука богини Солнца) – Сано, или Дзимму Тэнно («правителя Дзимму»), знатного человека из области Иварэ, синтоистские мифы называют первым Императором Японии. Сначала Дзимму Тэнно правил только островом Кюсю, но по достижении сорокапятилетнего возраста повел своих отважных воинов на завоевание острова Хонсю. После тяжелой и кровопролитной войны с тамошними варварами (не сотворенными богами и, соответственно, являвшимися, с японско-синтоистской точки зрения, в общем-то, «нелюдью»), он, с божественной помощью, завоевал занимавшую центральную часть острова Хонсю страну Ямато, объявив себя ее правителем. Кстати говоря, данное обстоятельство, вопреки официальной японской историографии, возводящей происхождение современной японской нации к племени Ямато, свидетельствует, что название Ямато – дояпонское. Но, как бы то ни было, по традиционным представлениям, праправнук богини Аматэрасу Омиками принял бразды правления над

Ямато 11 февраля 660 г. до Р.Х. Именно этот год «Восхода Императорского Солнца» (или начала «Небесной Солнечной Преемственности», выражаясь языком древнейших хроник) японцы стали считать официальной датой основания своего государства, именовавшегося долгое время «страной (Империей) Ямато», наряду со словом «Япония» – «Нихон», «Ниппон» или «Ниппон (ди)-го».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.